

2. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. – Paris, 1919.
3. Ляхова И.В. Функционально-семантический анализ имен собственных личных на материале французской художественной литературы XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 24 с.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М., 1992. – 211 с.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.
6. Попович М.М. Категорія означеності іменника в контексті теорії актуалізації Ш. Баллі // Мовознавство. – К., 2001. - №1. – С. 13–18.
7. Ошанина Ж.Г. Употребление артикля во французском языке. – М.: Наука, 1973.
8. Gougenheim G. Système grammatical de la langue française. – Paris: d'Artrey, 1938.
9. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. – Berne: A. Francke, 1965. – 440 p.
10. Dubois J., Dubois R. La nouvelle grammaire du français. – Paris: Larousse, 1988. – 226 p.
11. Русско-английский толковый словарь международных финансовых, валютных биржевых терминов и понятий / Грещеман В.Л., Кузнецов А.П., Курбатов Н.Г., - М.: ООО «Партнер», 1991. – 137 с.
12. L'Express. № 2433.
13. Paris- Match. – № 2593.
14. Paris –Match. – №2571.
15. L'Express. – № 2595.
16. Le Nouvel Observateur. – № 1581.
17. L'Express. – № 5228.
18. L'Express. – № 2570.

Дьякова Н.А.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ИСТОРИИ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Слова и фразеологические единицы обобщенно именуется словесными знаками, которыми человек пользуется, чтобы выразить свое восприятие действительности, работу своей мысли. Как известно словесный знак имеет форму и содержание. Форма у словесного знака двойная – фонетическая и графическая. Содержание словесного знака определяется теми исходными предметами и понятиями, к которым он относится. Связь между формой и содержанием словесного знака обозначается в лингвистике термином номинация. В зависимости от характера номинации имена предметов подразделяются на два вида: нарицательные и собственные. Наричательное имя обозначает класс предметов или какой-то отдельный предмет внутри этого класса. Однако часто возникает необходимость выделять какой-то предмет из множества похожих предметов вне зависимости от ситуации общения и, не называя уточняющих признаков. В таком случае удобно присвоить этому предмету отдельное имя, которым нельзя будет назвать любой другой похожий предмет. Такое имя называется собственным. Имена собственные (ИС) служат для особого, индивидуального обозначения предмета безотносительно к описываемой ситуации и без обязательных уточняющих определений. ИС выполняют функцию индивидуализирующей номинации. У ИС следует различать прямую (первичную) и переносную (вторичную) номинативные функции. В прямой номинативной функции ИС служат для указания на тот предмет, которому оно присвоено в индивидуальном порядке. Переносная номинативная функция ИС характеризуется переносом наименования на другой предмет, в связи с чем оно получает способность приписывать какие-то свойства ряду объектов. Через номинативный перенос возможен переход ИС в нарицательные слова. Предмет, обозначаемый именем собственным – это носитель имени или референт. Референтами ИС могут быть люди, животные, учреждения, компании, географические и астрономические объекты, корабли и другие самые разнообразные предметы. Предметов, достойных присвоения индивидуального имени так много, что ИС находятся как бы за рамками основного лексического состава языков. Как отмечает Э. Пулграм, «я не могу позволить себе интереса к знанию имени любого человека только ради самого знания, потому что слишком много имен отяготили бы мою память»[1]. Аналогичным образом, невозможно знать названия всех существующих географических объектов, компаний и т.д. Однако каждому человеку волей-неволей приходится знакомиться с собственными именами более или менее значительного числа людей, животных и других одушевленных и неодушевленных предметов. Под этими именами они известны в каком-то кругу носителей языка, или сфере общения. Из-за этого ИС оказались как бы на периферии языковой системы. Носителей имен слишком много, их известность различна. Вот почему имена собственные оказались вне сферы внимания многих толковых и двуязычных словарей, учебников, пособий для переводчиков. И несправедливо: эта лексическая категория обладает сложными формальными, содержательными и ассоциативными характеристиками, знание которых совершенно необходимо людям в процессе общения, преодоления языковых и межкультурных барьеров.

Как уже отмечалось, ИС имеют формальную и содержательную стороны. Возникает вопрос: Что считать содержанием, т.е. значением имени собственного? С одной стороны, в лингвистике отмечается, что ИС, относящиеся к отдельным предметам, «никак не характеризуют их, не сообщают о них ничего истинного или ложного», но в тоже время, «поскольку имя собственное относится к единичному предмету, его

содержание соответствует всей совокупности его свойств в их нерасчлененной целостности» [2]. Такая сложность семантики ИС, порождающая различные подходы к проблеме, привела к появлению взаимоисключающих концепций значения ИС. Одни авторы утверждают, что ИС лишены значения, другие считают их значение неполноценным или лежащим в ином, нежели у нарицательных, информативном плане, а третьи приписывают им еще более содержательное значение, чем нарицательным именам.

В значении ИС можно выделить четыре компонента: 1) бытийный, или интродуктивный – существование и предметность обозначаемого. Данный компонент значения представляет собой как бы свернутое сообщение: «Существует такой предмет». Этот компонент является общим для всех предметных словесных знаков – нарицательных и собственных.

2). Классифицирующий – принадлежность предмета к определенному классу. Такой класс называют денотатом имени. Денотатами антропонимов, например, являются люди (мужчины и женщины); денотатами зоонимов – животные; денотатами топонимов могут быть континенты, океаны, моря и т.д. Данный компонент значения представляет собой как бы свернутое сообщение: «Этот предмет – человек, река, строение и т.д.

3). Индивидуализирующий – специальная предназначенность данного имени для наречения одного из предметов в рамках денотата. Вместе три компонента представляют собой как бы свернутое сообщение: «Есть такой человек, который зовется Джоном» или «река Ниагара» и т.д.

4). Характеризирующий – набор признаков референта достаточных, чтобы собеседники понимали, о чем или о ком идет речь. Данный компонент значения, например, ИС Ниагара представляет собой как бы свернутое сообщение: «эта река протекает в Северной Америке и образует один из самых больших водопадов в мире» [3]. Представления и знания, связываемые разными людьми с одним и тем же референтом, конечно, могут различаться. Например разные носители английского языка могут связывать разные представления, скажем с городом Эксетер в Англии. Однако в той местности, где этот топоним имеет особо существенное значение для жизни и общения, общим для говорящих будет знание о том, что это небольшая, но древний город в графстве Девоншир (плюс, возможно, еще несколько признаков, например, наличие в нем старинного собора и т.п.) Участники определенной сферы общения вкладывают в свою речь фоновые знания о конкретном предмете, а если эта сфера общения распространяется на весь языковой коллектив, то из их фоновых знаний складывается индивидуализирующий компонент значения ИС в языке как системе. Однако этими компонентами значения ИС также не ограничивается. Дело в том, что в языке и речи возможен перенос индивидуального наименования на другой объект, в связи с чем ИС получают способность приписывать какие-то свойства нарицательных. Вопрос о значении ИС имеет не только теоретический интерес. Он становится чрезвычайно актуальным при межкультурных и межъязыковых контактах. Казалось бы, имена собственные легко пересекают межъязыковые барьеры, поскольку стремятся сохранить свою внешнюю форму и при использовании вне сферы «родного языка». Однако иной раз весьма существенным элементом их содержания бывает гораздо труднее преодолеть такие барьеры. А без сохранения своего значения ИС не могут функционировать в иной языковой среде. Отсюда – возможные проблемы непонимания и неточного восприятия текстов, содержащих имена. Здесь – огромное поле знаний для освоения переводчиками и всеми, кто изучает или преподаёт иностранный язык в сопоставлении с родным языком.

Хотя имя собственное призвано идентифицировать предмет в любой ситуации и любом языковом коллективе, оно в подавляющем большинстве случаев обладает национально-языковой принадлежностью.

Имя собственное, официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак называют антропонимом. Он называется, но не приписывается никаким свойствам. Однако антропоним не является лишь ярлыком, не приписывающим референту абсолютно никаких свойств и не сообщающим о нем никаких сведений, но эти сведения несколько иного рода, чем те, из которых складываются значения имен нарицательных. «Неоценимое прагматическое удобство собственных имен как раз в том и состоит, что они дают возможность публично говорить о ком-либо, не договариваясь предварительно, какие именно свойства должны обеспечить идентичность референта». (2) Антропоним обладает понятийным значением, в основе которого лежит представление о категории, классе объектов. Поскольку набор возможных признаков ограничен, получается, что на общеязыковом уровне многие антропонимы обладают одинаковым обобщенно-предметным значением. Поэтому в качестве дифференцирующих эти признаки выступают не столько для отдельных имен, сколько для групп антропонимов. При общности языковых компонентов значения у антропонимов особо важную роль играет различительная функция формы. Употребленный впервые антропоним всего лишь указывает на какой-то круг людей и только частично индивидуализирует референта, отграничивая его от носителей других имен. В речевой же практике антропоним постепенно приобретает способность к более точной идентификации человека, когда определенный круг людей связывает ряд известных признаков данного человека с его именем. Эта социальная или территориальная общность и является коммуникативной средой, в которой реализуется индивидуализация человека. Известно, что каждый человек не может иметь уникальное только ему одному присущее имя. Личные имена имеют множество носителей, такие имена В.П. Берков называет общими, т.к. в языковом сознании коллектива они не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком. ИС называются единичными, если они, прежде всего, связаны с кем-то одним, получившим широкую известность [4]. Известная информация о носителе имени входит в значение единичного антропонима как единицы языка. Единичные ИС

обладают «бесконечно богатым содержанием» и в их значение включается вся энциклопедическая информация об объекте. А.В. Суперанская, возражая, отмечает: «Говоря о бесконечно богатом содержании имени Сервантес, мы подменяем языковой анализ этого имени биографическими сведениями об авторе «Дон Кихота», забывая, что именем Сервантес могли зваться и другие люди, подобно тому, как и людей по имени Черчилль много» [5]. И все же автор «Дон Кихота» занимает особое положение среди лиц по фамилии Сервантес. Минимальное представление о знаменитом писателе прочно входит в характеризующий компонент значения этого имени. Значение единичного антропонима в языке представляется известной абстракцией, поскольку не каждый член коллектива обладает всей полнотой знаний и сведений о конкретном лице. Некая усредненная информация устойчиво соотносится с единичным именем и ее можно считать значением единичного антропонима в первичной номинации. Статус первичного номинативного значения в межкультурном общении разный для разных антропонимов. Известность многих людей выходит за рамки их стран и языковых коллективов, и их имена становятся единичными антропонимами и в других языках. С другой стороны, слава других деятелей, широко известных в своих странах, не выходит на международный уровень. Или охватывает определенный исторический период, известный только узким специалистам, забывается личность и антропоним выходит из употребления.

Личные имена как и языки прошли долгий путь развития. Древние германцы имели лишь одно имя, которое было простым по структуре и восходило к прозвищу, характеризующему носителя имени: ADAL, ADEL, AEDel “благородный”, BALD “смелый”, FRIE “свобода”, SCYLD “щит, защитник”.

Phol ende Uuodan vuorun zi holza.
 Du uuart demo BALDERS volon sin vuoaz birenkit.
 Thu biguol en Sinthgunt, Sunna era suister;
 Thu biguol en FRIIA , Volla era suister;
 (Первый Мерзебургский заговор)

Annar sonr Odins er BALDR, ok er fra hanum gott at segja: hann er beztr, ok hann lofa allir. (Snorra-Edda).

Другой сын Одина – Бальдр, о нем все хорошо говорят: он самый лучший и его все прославляют.

Oft SCYLD Scefing sceapena preatum,
 Monegum maegpum, meodosetla ofteah,
 Egsode eorlas. (Beowulf)
 Первый – Скильд Скевинг,
 войсководитель,
 не раз отрывавший
 вражды дружины
 от скамей бражных. (пер. В. Тихомирова)

Датские короли назывались SCYLDINGAS (O.N. Skjoldungar), возможно что имя Scyld (O.N. Skjoldr) образовали из последнего для их легендарного основателя. Такие воинствующие имена как Scyldingas – “men of the shield” часто употреблялись у германцев. Появление имени Scyld в различных письменных памятниках показывает, что оно достаточно старо в исторической традиции. В легендах оно, возможно, заимствует имя германского бога плодородия Ing, которое первоначально имело основу Ingw-, O.N. Yngvi, что наиболее четко выражено у Тацита Inguaeones и в параллелях из Беовульфа “frea Scyldinga” и “frea Ingwina” для Хротгара.

Тем не менее, в истории известен датский лидер, который объединил даннов, был их Скильдом - «защитником» и в этом смысле имя отражает традицию именованя- прозвища.

Наряду с простыми именами древние германцы употребляли сложные антропонимы, состоящие, в основном, из двух компонентов: Hiltibrant, Hadubrant, Brunihild, Aethelbeald, Eadgar, Kriemhilt.

Ik gihorta dat seggen,
 Dat sih urhettun aenon muotin,
 HILTIBRANT enti HADUBRANT untar heriun tuem. (Песнь о ХильтиБранте)
 Слышал я как рассказывали,
 Что желали воины каждый
 Хильтибрант против Хадубранта сразиться между войсками двумя.

Ez wuohs in Burgonden ein vile del magedin
 daz in allen landen niht schoeners mohte sin,
 KRIEMHILT geheizen: si wart ein scoene wip.
 dar umbe muosen degene vil verliesen den lip. (Песнь о Нибелунгах)
 Жила в земле бургундов девица юных лет.
 Знатней ее и краше еще не видел свет.
 Звалась она Кримхильдой и так была мила,

Что многих красота ее на гибель обрекла. (Пер. Ю. Корнеева)

Swa da maelceare maga HEALFDENES
singala sead ne mihte snotor haeled
wean onwendan; (Beowulf)
Не было роздыха
Сыну Хальфдана
в его несчастьях,
не мог всемудрый
осилить пагубу (Пер. В. Тихомирова).

Простые имена постепенно были вытеснены двукомпонентными сложными именами. На семантическом уровне некоторые сложные имена предстают как своеобразные эксцентрические композиты, значение которых не выводится из суммы значений составляющих их компонентов. Например: Friduwulf – «мир + волк», Wigfrid – «война + мир».

Значение других сложных имен можно легко понять: Aethelstan – «благородный камень», Maerwine – «великолепный друг». Эти имена представляются уже эндоцентрическими сложными словами. Компоненты сложных имен черпались из особого фонда германских именных слов. Древние германцы верили в магические свойства благожелательных именных слов дарить носителю имени защиту и покровительство, богатство, здоровье, благополучие, отвагу, славу, почет и т.д. Сюда относятся такие слова как aelf – эльф; beorht – блестящий; beorn – воин, герой; eald – старинный; gar – копье; gifu – дар; god – добродетельный; gold – золото; gaed – совет, мудрость; rice – власть; sigе – победа, успех; stan – камень; sunu – сын; weard – страж; покровительство; wig – борьба; доблесть; wine – друг, защита; wulf – волк и т.д.

Некоторые из этих слов имели строго определенное место в сложном имени, т.е. они могли быть либо только первым, либо только вторым компонентом имени, а часть именных слов могла занимать любое из этих двух мест. Такие слова как aelf, aethеle, eald, god, gold, ead употреблялись лишь в качестве первых компонентов композитов, слова beald, gar, gifu, read, rice, stan, weard – в качестве вторых, а beorht, maere, sigе, wig, wine, wulf – в качестве любых компонентов сложных имен.

“Eina dottur berr ALFRODUL,
Adr hana Fenrir fari;
su skal rida, pa er regin deya,
Modur brautir, maer”. (Edda)
«Прежде чем Волк
Альвредуль сгубит,
Дочь породит она;
Боги умрут,
и дорогою матери
дева последует». (Пер. А.Корсуна)

Ic eom HRODGARES
ar ond ombiht. Ne sea hic elpeodige
pus manige men modiglicran.
Wen ic paet ge for wlenco, nalles for wraeccsidum,
Ac for higeprumum HRODGAR sohton. (Beowulf)

Немало у Хродгара
я, глашатай,
встречал иноземцев,
но столь достойных
не видел! Надеюсь,
не ради прибежища,
как изгнанники,
но ради подвигов
пришли вы к Хродгару!

WULFGAR mapelode (paet waes Wendla leod;
Waes his modsefa manegum gecyded,
Wig ond wisdom): (Beowulf)

Вульфгар отвечивал,
вождь венделов,
муж многомудрый,
меж соплеменников

мужеством славный: (Пер. В. Тихомирова)

Принадлежность лиц к одной семье отмечалась мотивированными аллонимами, которые создавались аллитерацией или комбинированием имен родителей:

heold penden lifde,
gamol ond gudreouw, glaede Scyldingas.
daem feower bearn ford grimed
in worold wocun, weoroda raeswan,
HEOROGAR ond HRODGAR ond HALDA til;
Hyrde ic paet waes Onelan cwen,
Headoscifingas healsgebedda. (Beowulf)

И в старости Скильдинг
бойцом был отменным.
Родилось на землю
от Хальфдана четверо:
Херогар, Хродгар,
Хальга добрый
и дочь, которая,
слышал я, стала
подругой Онелы
в опочивальне,
супругой Скильвинга,
конунга шведского. (Пер. В. Тихомирова)

Английский ономотолог Уидиком приводит интересный пример аллонимов с аллитерацией согласного m. Три дочери англосакса по имени Maerewald (славный + власть) были названы Mildthryth (мягкий + могущество), Mildburh (мягкий + крепость), Mildguth (мягкий + битва) [6].

В начале VII в. племянник короля Нортумбрии Эдвина HERERIC и его жена BREGUSWITH назвали свою дочь HERESWITH, скомбинировав компоненты своих имен [7].

По структурным и семантическим признакам женские имена ничем не отличались от имен мужских. Показателем рода служил второй компонент, у мужских имен он выражен существительными мужского рода: gar, hafoc, helm, read, sunu, weard, wig, wine, etc. Соответственно, вторым компонентом женских имен были имена существительные женского рода:

burg, burh, frithu, gifu, guth, henn, run, etc.

В качестве вторых компонентов использовались также имена прилагательные. У мужских имен это, как правило, прилагательные, указывающие на общественное положение и черты характера носителя имени: beald, beorht, heah, heard, meare, rice и др. Многие женские имена в качестве второго компонента имеют прилагательное leof – любимый, дорогой.

Naes ic him to life ladra owihte,
Beorn in burgum, ponne his bearna hwylc,
HEREBEALD ond Naedsyn odde Hygelac min. (Beowulf)
в глазах правителя
я был не хуже,
чем дети родные,
чем Хадкюн и Херебальд
и добрый мой Хигелак (Пер. В. Тихомирова)

Вместе с германскими племенами германские имена распространяются в Европе, так как в течение первого тысячелетия большая часть континента была под германским владычеством, и их имена распространились в южных областях, таких как Испания и Италия. Такие германские имена как Frederick, Matilda, Henry, Charles восходят к королевскому правлению Германии и Франции. Западногерманские племена, англосаксы и юты, первыми распространили германские имена на Британских островах. Некоторые англо-саксонские имена, такие как Edward, Alfred, Edith используются и в настоящее время. После норманнского завоевания Англии в 1066 году многие континентальные германские имена вытеснили древнеанглийские, например: William, Roger, Richard. Многие из этих имен имеют параллели и используются в других европейских странах.

Источники и литература

1. Pulgram E. Theory of names. – Berkley, 1954. – P. 26.
2. Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977. – С.190–191.

3. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М., 2001. – С. 12.
4. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии (Словник). – Л., 1973. – С.107.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – С. 83.
6. Withycombe E.G. The Oxford Dictionary of ENGLISH Christian Names. 2nd edition. – Oxford. 1959. – P.XIX.
7. Reany P.H. The Origin of English Place Names. – London. 1961. – P. 50.

Исаев Э.Ш.

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

The main problems of stylistic investigations are discovered in the article.

The structure of social differentiation of the language is analyzed from the point of view of the stratification and situational differentiation. The studying of situational differentiation is specific interest.

Одной из основных проблем, изучаемых социолингвистикой, является проблема социальной дифференциации языка на всех уровнях его структуры, и, в частности, степень взаимосвязи между языковыми и социальными структурами. Структура социальной дифференциации языка многолика и включает в себя как стратификационную дифференциацию, обусловленную разнородностью социальной структуры, так и ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций.

Язык, как отмечает В.Гумбольдт, есть одно из “человекообразующих” начал, в котором действуют творческие силы человека, его внутренние возможности. Определить сущность человека, по Гумбольдту, означает “выявить силу, делающую человека человеком” [1, с. 55].

Эти идеи В. Гумбольдта в рамках философской теории развивают М. Хайдеггер и А. Потенция. По мнению М. Хайдеггера, “речь есть один из видов человеческой деятельности - мы существуем, прежде всего, в языке и при языке ... дар речи есть отличительное свойство человека ... сущность человека покоится в его языке” [2, с. 6]. А так как общество непрерывно развивается, то изменяются и языковые варианты описания человеческой деятельности. “Так как каждое лицо порознь и притом непрерывно действует на язык, то каждое поколение изменяет его если не в словах и формах, то в их употреблении” [3, с. 30].

Лингвистический интерес к социальной природе языка раньше всего и наиболее определенно обозначился во Франции. Заслуга французской социологической школы в языкознании, созданной А.Мейе и его учениками, состояла в том, что социальный аспект изучения языка впервые был введен в науку как существенный и необходимый. Выдвинув тезис о социальной природе языка, А. Мейе, ученик Ф.де Соссюра, убедительно показал, что конечной причиной изменения значения слов являются не внутренние сдвиги в контексте и не психологические процессы как таковые, а стоящие за ними социальные факторы [4].

В конце 20-х – начале 30-х годов социальную лингвистику обогатила теория литературного языка Пражской лингвистической школы. Сформулированная, главным образом, в трудах Б.Гавранека, а также в ряде программных документов Пражского лингвистического кружка, эта теория отразила принципиально новое понимание литературного языка как формы существования, вызванной к жизни определенными общественными потребностями [5;6].

Широкий интерес к социологическим исследованиям в области языка в 60-е – 70-е годы возникает одновременно в трех основных центрах данной отрасли языкознания – в СССР, США и Германии. Социолингвистика неоднородна в своих концепциях. В отличие от дескриптивного языкознания, предметом которого является язык – единообразная, гомогенная и монолитная структура, она изучает речь в ее свободном варьировании, связанном определенным образом с социальными различиями в обществе.

Так, например, в советском языкознании анализу взаимосвязи речи с социальными условиями жизни общества посвящены работы В.А. Аврорина, В.Д. Бондалетова, Р.А. Будагова, А.И. Домашнева, Л.П. Крыгина, Т.Б. Крючковой, О.Е. Семенца, Э.Г. Туманян, Н.С. Чемоданова, А.И. Чередниченко и др. [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Р.А. Будагов исследует проблемы антропологической лингвистики, в рамках которой, по его мнению, могут быть объединены и успешно развиты на единой методологической основе такие направления лингвистики, как лингвоносеология, предметом которой является познавательная функция языка как формы представления познаваемого человеком мира, социолингвистика, изучающая взаимоотношения языка и общества, психолингвистика, анализирующая взаимоотношения языка и индивида, и этнолингвистика, ориентирующаяся на рассмотрение взаимосвязи языка и духовной культуры народа [10, с.8].

Язык является социальным феноменом. Он никогда не существовал вне общества, которое, в свою очередь, постепенно дифференцируется в связи с изменением социальных отношений. Язык же, находясь в непосредственной связи с обществом, отражает эту дифференциацию, подвергаясь социальному раслоению, которое выражается в возникновении различных форм существования языка, т.е. его социальных